

**Конвенция против пыток и
других жестоких, бесчеловечных
или унижающих достоинство
видов обращения и наказания**

Distr.: General
30 September 2022
Russian
Original: French

Комитет против пыток

**Решение, принятое Комитетом в соответствии
со статьей 22 Конвенции относительно
сообщения № 891/2018* ****

<i>Сообщение представлено:</i>	Абделем Джалилем Лаарусси (представлен адвокатом Ольфой Улед)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	заявитель
<i>Государство-участник:</i>	Марокко
<i>Дата сообщения:</i>	19 октября 2018 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	решение, принятое в соответствии с правилами 114 и 115 правил процедуры Комитета и препровожденное государству-участнику 26 октября 2018 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата принятия решения:</i>	15 июля 2022 года
<i>Тема сообщения:</i>	пытки во время содержания под стражей
<i>Процедурные вопросы:</i>	исчерпание внутренних средств правовой защиты; злоупотребление правом на представление сообщений
<i>Вопросы существа:</i>	пытки или другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания; меры по предотвращению актов пыток; систематический надзор за условиями содержания под стражей и обращением с заключенными; обязательство государства-участника обеспечивать незамедлительное проведение беспристрастного расследования компетентными органами; право на подачу жалобы; право на возмещение ущерба
<i>Статьи Конвенции:</i>	1, 2, 11–16

* Принято Комитетом на его семьдесят четвертой сессии (12–29 июля 2022 года).

** В рассмотрении настоящего сообщения участвовали следующие члены Комитета: Тодд Бакуолд, Клод Эллер, Эрдоган Ишджан, Маэда Наоко, Илвия Пуце, Себастьян Тузе и Бахтияр Тузмухамедов. В соответствии с правилом 109, рассматриваемым в совокупности с правилом 15, правил процедуры Комитета, а также пунктом 10 Руководящих принципов в отношении независимости и беспристрастности членов договорных органов по правам человека (Аддис-Абебские руководящие принципы) Абдерразак Руване в рассмотрении настоящего сообщения не участвовал.

1.1 Заявителем является г-н Абдель Джалиль Лаарусси, гражданин Марокко 1978 года рождения, уроженец Западной Сахары. Он утверждает, что государство-участник нарушило статьи 1, 2 и 11–16 Конвенции. Государство-участник сделало заявление в соответствии с пунктом 1 статьи 22 Конвенции 19 октября 2006 года. Заявитель представлен адвокатом Ольфой Улед.

1.2 26 октября 2018 года в соответствии с пунктом 1 правила 114 своих правил процедуры и с учетом информации, представленной заявителем, Комитет, действуя через своего Докладчика по новым сообщениям и временным мерам, просил государство-участник: а) приостановить все меры изоляции, применяемые к заявителю; б) предоставить заявителю возможность пользоваться услугами врача по его выбору; и с) предоставить заявителю доступ к требующейся ему медицинской помощи, чтобы избежать любого непоправимого вреда.

Факты в изложении заявителя

2.1 Начиная с 9 октября 2010 года тысячи сахарцев, проживающих в Западной Сахаре, стали покидать свои дома и переезжать во временные лагеря, расположенные на окраинах городов, в том числе в лагерь «Гдейм Изик» вблизи Эль-Аюна. Эта акция была направлена на то, чтобы заявить об экономической и социальной дискриминации, которой, как считают сахарцы, они подвергаются со стороны государства-участника. Заявитель прибыл в лагерь в числе первых.

2.2 8 ноября 2010 года военнослужащие марокканской армии, вооруженные водометами и слезоточивым газом, напали на лагерь «Гдейм Изик», в котором на тот момент проживало более 20 000 сахарцев. Во время принудительной эвакуации из лагеря произошли столкновения между армией и сахарскими демонстрантами, в ходе которых, по сообщениям, были убиты марокканские солдаты. За этим последовала волна жестоких репрессий, осуществлявшихся марокканскими силами безопасности при поддержке марокканских гражданских лиц, проживающих на сахарской территории. Заявитель утверждает, что в день сноса лагеря «Гдейм-Изик» его там не было, так как с 7 по 12 ноября 2010 года он навещал свою мать в Буждуре.

2.3 12 ноября 2010 года заявитель был похищен из дома своего друга в Буждуре отрядом полицейских с лицами, закрытыми масками. Эти сотрудники являются частью марокканской особой оперативной группы, члены которой всегда действует, скрывая лица. После избиения его друга и приставания к присутствовавшим на месте происшествия женщинам и нанесения пощечин сотрудники полиции стали угрожать заявителю, приставив пистолет к его голове, надели на него наручники и заставили сесть в машину. По пути в штаб-квартиру Главного управления национальной безопасности в Эль-Аюне отряд остановился в бывшем здании испанской армии, где по приказу начальника полиции Эль-Аюна заявитель был подвергнут пыткам, избиениям и подвешиванию за руки и за ноги. В итоге у него были вывихнуты плечи, и он несколько раз терял сознание. Полицейские приводили его в себя каждый раз, когда он терял сознание, и продолжали избивать.

2.4 Затем заявителя перевезли в неизвестное место, где продолжили пытать. Вызванный на место врач предупредил полицейских, что заявитель может умереть, если с ним продолжат жестоко обращаться. Полицейские ввели заявителю внутривенно неизвестное вещество. Они вырвали ему ногти плоскогубцами, затем вырвали волосы на мошонке, после чего подвергли его ударам электрическим током. Полицейские заставили его выпить их мочу и какие-то химические вещества неизвестного происхождения. Они также наносили ему ожоги с помощью химических веществ.

2.5 Заявитель был заперт в карцере уголовной полиции, где его лишили пищи и воды и снова заставили пить мочу. Затем заявителя поместили в комнату в присутствии как минимум трех вооруженных офицеров в масках и приказали на камеру зачитать признание в участии в вооруженных действиях против сотрудников правоохранительных органов. Заявитель отказался подписать признание. После отказа его насиловали электрическими лампочками, разбивая их в его анусе, до тех пор, пока он не подписал признание.

2.6 Затем заявителя перевели в здание фосфатной компании по дороге в Смару, где его раздели, избили и несколько раз изнасиловали. Полицейские обвинили его в том, что он хранил в здании огнестрельное оружие и ножи. По возвращении в Эль-Аюн офицеры поместили его в комнату с собаками и пригрозили, что скормят его им. Заявитель потерял сознание и очнулся в суде первой инстанции в Эль-Аюне, где его не доставили ни к одному судье. Его снова избили, затем перевели в другое место, где его подвесили за руки, били железным прутком по подошвам ног и били кулаками по голове до тех пор, пока он не потерял сознание.

2.7 Заявитель очнулся в самолете 16 ноября 2010 года, лежа на полу с прижатым к лицу сапогом полицейского. Полицейский пригрозил выбросить его из самолета, а люди в масках избили его. Заявитель был психологически подавлен и заявил, что хочет умереть. Самолет приземлился в Рабате, и заявитель был доставлен с завязанными глазами в автомобиль, сопровождаемый несколькими лицами в военной форме. Офицеры облили тело заявителя химическими веществами. Когда его доставили в военный суд, у него кровоточили голова и ноги и он не мог идти. Ему впервые сообщили о выдвинутых против него обвинениях. Заявитель сообщил, что его заставили сделать признание под пытками, на что судья ответил, что у него «нет на это времени».

2.8 Заявитель был переведен в тюрьму Сале, где его заставляли бегать голым и без обуви. Ему также устраивали «душ», поливая ледяной водой вне камеры. В своей камере под угрозой изнасилования он должен был вставать на колени с опущенной головой и руками за спиной каждый раз, когда охранник произносил слово «уважение». Он неоднократно подвергался сексуальным домогательствам со стороны офицеров. Пытки проходили под наблюдением тюремных властей в присутствии тюремного санитаря, который, со своей стороны, часто давал ему таблетки и ежедневные делал уколы, при этом заявитель не знал, что это были за медикаменты. Его пища, смешанная с осколками стекла, подавалась ему на полу после того, как охранники давили ее своими сапогами. Во время первого посещения членов его семьи ему не разрешили с ними разговаривать. Наконец, 12 декабря 2010 года ему разрешили увидеться с семьей; он сообщил им, что его пытали и насиловали, несмотря на присутствие охранников.

2.9 В тюрьме Сале заявитель подвергался пыткам каждый день в течение пяти месяцев, не видя дневного света. Вместе с другими обвиняемыми по делу о событиях в лагере «Гдейм-Изик», он несколько раз объявлял голодовку, после чего заболел. После посещения тюремного врача его положение не улучшилось. Заявитель провел тринадцать месяцев в больнице из-за постоянного кровотечения из ануса и носа и высокого кровяного давления.

2.10 Во время пребывания в тюрьме Сале заявитель неоднократно и безуспешно сообщал об актах пыток прокурору в Рабате, генеральному прокурору в Эль-Аюне и Национальному совету по правам человека.

2.11 22 декабря 2011 года в ходе судебного разбирательства военный следственный судья пришел к заключению, что заявитель признался в своих преступлениях без какого-либо принуждения, и дело было передано в военный суд. Судебный процесс над заявителем и другими обвиняемыми в событиях в лагере «Гдейм-Изик» проходил 1 февраля и 8–16 февраля 2013 года в Рабате. 15 февраля 2013 года военный суд в Рабате отклонил ходатайство о расследовании^{1, 2} актов пыток. 17 февраля 2013 года

¹ Суд счел, что обвиняемый имел возможность подать такое ходатайство в ходе предварительного следствия, но не сделал этого, и что между судебным разбирательством и предварительным следствием прошел длительный период времени.

² В записке, направленной в военный суд 31 января 2013 года, адвокат заявителя осудил тот факт, что признательные показания были подписаны обвиняемыми под пытками в нарушение статьи 22 Конституции и статьи 293 Уголовно-процессуального кодекса. Суд не принял никаких мер. Впоследствии, в ходе судебного заседания, состоявшегося 8 февраля 2013 года, адвокат осудил тот факт, что следственный судья военного суда не распорядился о проведении судебно-медицинской экспертизы в отношении кого-либо из подсудимых, несмотря на то что у некоторых из них имелись признаки насильственных действий. Адвокаты других

заявитель был приговорен к пожизненному заключению (на основании предполагаемых признательных показаний) за принадлежность к преступной группе, совершение насилия, повлекшего за собой преднамеренную смерть должностного лица при исполнении им своих обязанностей, и осквернение трупа.

2.12 После этого судебного разбирательства несколько международных организаций указали на отсутствие доказательств и на то, что не было проведено эффективного расследования заявлений о применении пыток³. Заявитель предпринял несколько голодовок, осудив несправедливый характер процедуры и непроведение слушания дела в Кассационном суде, в который была подана апелляцию.

2.13 27 июля 2016 года Кассационный суд отменил решение военного суда и передал дело в Апелляционный суд Рабата. Повторное судебное разбирательство началось 26 декабря 2016 года. Утверждения о применении пыток были подтверждены адвокатами и подсудимыми. Все подсудимые на протяжении всего судебного разбирательства обращались к Апелляционному суду с ходатайством аннулировать протоколы, подписанные под пытками, и изъять их из процессуальных материалов⁴. 25 января 2017 года, т. е. спустя более шести лет после рассматриваемых событий, председатель Апелляционного суда дал согласие на проведение судебно-медицинской экспертизы в отношении подсудимых. Однако проведение экспертизы было поручено трем марокканским судебно-медицинским экспертам, не прошедшим подготовку по Руководству по эффективному расследованию и документированию пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Стамбульский протокол) и не представлявшим достаточных гарантий независимости. Эксперты пришли к выводу о невозможности подтверждения того, что заявитель подвергался пыткам. Затем адвокаты подсудимых представили эти экспертные заключения четырем экспертам, являвшимся французскими и испанскими гражданами, которые подготовили повторную экспертизу, опровергающую указанные заключения и свидетельствующую о несоблюдении Стамбульского протокола. Они установили, что утверждения о пытках, сделанные заявителем и другими подсудимыми, были достоверными. Во время допроса в Апелляционном суде заявитель продемонстрировал копии жалоб, которые он подал прокурору в Рабате, генеральному прокурору в Эль-Аюне и Национальному совету по правам человека, но судья не разрешил ему зачитать их вслух.

2.14 19 июля 2017 года Апелляционный суд Рабата оставил в силе пожизненный приговор. 29 сентября 2017 года заявитель подал кассационную жалобу, которая была отклонена Кассационным судом 25 ноября 2020 года.

2.15 16 сентября 2017 года заявитель был переведен из тюрьмы Эль-Аржат в тюрьму Айн-Себаа. Его семья и адвокаты не были проинформированы об этом переводе, и он не смог забрать с собой свои вещи. Во время перевода он подвергся жестокому

обвиняемых подали такую же жалобу на следственного судью. В своем временном постановлении от 8 февраля 2013 года военный суд принял к сведению утверждения подсудимых о пытках, но не принял никаких мер. Ни военный суд, ни прокурор не отреагировали на эти заявления о пытках и не возбудили расследование. В своем докладе от 4 августа 2014 года, после встречи с 22 задержанными, привлеченными к уголовной ответственности в связи с закрытием лагеря «Гдейм-Изик», Рабочая группа по произвольным задержаниям выразила свою «обеспокоенность тем, что утверждения о пытках и жестоком обращении в течение почти двух лет предварительного заключения не были расследованы» (A/HRC/27/48/Add.5, п. 68).

³ См, среди прочего, Human Rights Watch, «"Just sign here": unfair trials based on confessions to the police in Morocco», 21 juin 2013; et Amnesty international, «Action urgente : des prisonniers sahraouis en grève de la faim», 31 mars 2016.

⁴ С одной стороны, это ходатайство было отклонено прокуратурой, которая не начала расследование, в нарушение положений Уголовного кодекса. С другой стороны, суд решил объединить вопрос о ничтожности протоколов, каким бы существенным он ни был, с существом дела, о чем свидетельствует решение. Таким образом, протоколы могли обсуждаться в течение шести месяцев судебного разбирательства, о чем свидетельствует приговор, а решение об их действительности, несмотря на ходатайство о признании их недействительными, было вынесено только в конце, одновременно с приговором.

обращению и был полностью изолирован. Его контакты ограничивались двумя 3-минутными телефонными звонками и одним 15-минутным посещением в неделю, которыми он не мог воспользоваться в течение нескольких недель под предлогом того, что тюремный телефон не работал. Стены его камеры были влажными и покрытыми зеленым мхом, из-за чего у него возникли серьезные проблемы с легкими и приступы астмы. В течение почти семи месяцев, когда у него уже было слабое здоровье, заявитель ежедневно подвергался издевательствам, оскорблениям и избиениям по приказу бывшего начальника охраны тюрьмы Сале, который также был переведен в тюрьму Айн-Себаа. Подгузники, в которых он нуждался каждый день и которые доставлялись в тюрьму, так и не были ему выданы. Поэтому он был вынужден мыться каждый час из-за потери крови и неконтролируемой дефекации. В период с 20 по 29 декабря 2017 года заявитель объявил голодовку, чтобы осудить жестокое обращение, которому он подвергался. Его сестра также подала жалобу в компетентные органы, но ответа не последовало. 9 апреля 2018 года заявитель был переведен в тюрьму Эль-Аржат, где он продолжает оставаться жертвой медицинской халатности, страдая от астмы, гипертонии, кровотечения и многих других физических и психологических последствий. Он содержится в длительной изоляции, имея право на одно свидание в неделю с членами своей семьи, которые не могут часто ездить из-за большого расстояния, отделяющего их от тюрьмы Эль-Аржат.

Жалоба

3.1 Физическое насилие, которому заявитель подвергался во время ареста, на допросе в Главном управлении национальной безопасности в Эль-Аюне, в здании фосфатной компании и во время каждой поездки между допросами с целью получения от него признания, а также обращение, которому он подвергся во время перевозки на самолете, представляют собой акты пыток по статье 1 Конвенции. Методы, известные как «фалака» (многократные удары железными прутьями по подошвам ног) и «жареная курица» (подвешивание вверх ногами к металлическому пруту, за запястья и колени в положении на короточках), по сути, являются пытками. Анальное изнасилование заявителя с использованием различных предметов, некоторые из которых были сделаны из стекла, стало причиной внутренних и внешних повреждений и привело к недержанию кала. Такие изнасилования должны рассматриваться как направленные на причинение наивысшей степени страданий, как физических, так и моральных. Эти действия были совершены для того, чтобы заставить заявителя «спонтанно» признать свою вину, подписав перед камерой документы, с содержанием которых он не был ознакомлен. Заявитель также сообщает, что ему не оказывалась медицинская помощь. Только санитар, который посещал его, делал ему инъекции неизвестных препаратов. Жестокое обращение осуществлялось специальным полком марокканских правоохранительных органов, некоторых из офицеров которого заявитель узнал, затем национальной жандармерией и, в конечном итоге, тюремными охранниками.

3.2 Заявитель также сообщает, что помещен в одиночную камеру с 16 сентября 2017 года, не будучи проинформирован о причинах этой меры и не получив за время этого одиночного заключения никакой медицинской помощи. Государство-участник и по сей день продолжает совершать акты жестокого обращения, причиняя заявителю сильные физические и психические страдания, умышленно, с целью наказать, запугать или оказать давление на него. Кроме того, его содержание в сырых камерах с замшелыми стенами вызвало у него астму, и он был лишен достаточного количества воды. Условия содержания под стражей оказали пагубное влияние на его здоровье, которое ухудшалось на протяжении всего периода содержания под стражей, и в настоящее время заявитель страдает от анального недержания, потери слуха, потери сознания, рвоты, депрессии и многих других физических и психологических последствий. Акты и обращение, которым он подвергался, представляют собой жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение и наказание в соответствии со статьей 16. Кроме того, непринятие марокканскими властями мер по созданию эффективной системы предупреждения пыток является нарушением статьи 2 Конвенции.

3.3 В соответствии со статьей 11 Конвенции государство-участник должно систематически рассматривать условия содержания под стражей и обращения с лицами, подвергнутыми любой форме ареста, задержания или тюремного заключения на любой территории, находящейся под его юрисдикцией, чего в данном случае сделано не было. Международные органы и организации в своих докладах осуждают условия содержания под стражей, ссылаясь на недоедание, жестокое обращение, злоупотребления и отсутствие эффективного механизма подачи жалоб для заключенных в Марокко.

3.4 Заявитель напоминает, что 16 ноября 2010 года он был доставлен с видимыми следами пыток к следственному судье, который не зафиксировал эти факты в протоколе и не начал немедленного расследования. Кроме того, военный суд не принял во внимание его заявления о пытках при вынесении приговора. Решение Кассационного суда не изменило эту ситуацию, и заявитель по-прежнему содержится под стражей на основании только его признательных показаний, подписанных под принуждением. Апелляционный суд в Рабате даже не потребовал возбуждения расследования, несмотря на неоднократные заявления заявителя о пытках, которым он подвергался. Это свидетельствует о том, что государство-участник не выполнило свои обязательства, вытекающие из статей 12 и 13 Конвенции.

3.5 Несмотря на следы физического насилия и заявления, сделанные заявителем перед следственным судьей военного суда, последний не принял во внимание его утверждения, проигнорировал имеющиеся у него телесные повреждения и не потребовал проведения судебно-медицинской экспертизы. Кроме того, было установлено, что судебно-медицинские экспертизы, назначенные Апелляционным судом в Рабате, не были беспристрастными и что в любом случае они проводились не в рамках расследования по заявленным случаям применения пыток. Однако требование о проверке состояния здоровья заключенных врачом неоднократно повторялось Комитетом⁵. Кроме того, военный суд также не принял во внимание утверждения заявителя об актах пыток. Отсутствие до данного момента расследования не позволяет заявителю получить реабилитацию, компенсацию, поддержку и гарантии неповторения преступления в нарушение статьи 14 Конвенции.

3.6 Несмотря на заявления, которые заявитель сделал перед следственным судьей в ходе первоначального слушания 15 октября 2011 года, как военный суд, так и Апелляционный суд Рабата приняли во внимание первый протокол от 15 ноября 2010 года, хотя в нем содержались предполагаемые признания, фактически полученные под пытками. Хотя заявитель через своих адвокатов оспаривал доказательственную силу признательных показаний, подписанных под пытками, на различных этапах возбужденного против него разбирательства, Апелляционный суд утвердил эти протоколы без проведения расследования. Не проведя никакой проверки и используя указанные заявления в ходе судебного разбирательства в отношении заявителя, государство-участник явно нарушило свои обязательства по статье 15 Конвенции.

3.7 Заявитель считает, что тот факт, что с момента событий прошло более восьми лет и государство-участник не провело никакого расследования, несмотря на неоднократные утверждения заявителя в различных марокканских судах, является доказательством неэффективности внутренних средств правовой защиты. Никакого беспристрастного расследования по смыслу статьи 6 Конвенции проведено не было, несмотря на то, что все «заключенные по делу “Гдейм-Изик”» сообщили в различные судебные органы о том, что они подвергались пыткам. Отмена решения военного суда и новое решение Апелляционного суда Рабата ничего не изменили. До сих пор не существует независимого механизма для рассмотрения жалоб заключенных на жестокое обращение с ними во время содержания под стражей.

3.8 Комитет уже отметил в деле *Асфари против Марокко*, которое касалось одного из подсудимых по этому делу, что г-н Асфари заявлял в различных судебных инстанциях Марокко об актах пыток, которым он неоднократно подвергался, однако

⁵ См. *Асфари против Марокко* (CAT/C/59/D/606/2014).

никакого расследования так и не было проведено и военный суд не принял во внимание утверждения о применении пыток. Комитет также отметил, что Марокко превысило разумный срок для отправления правосудия, не проводя более шести лет расследования предполагаемых актов пыток.

3.9 Заявитель требует немедленного освобождения с учетом состояния его здоровья, прекращения любого физического и психологического насилия в отношении него, прекращения изоляции, посещения тюрьмы врачом по его выбору из-за пределов тюрьмы и полной, адекватной и справедливой компенсации за все нарушения Конвенции, от которых он пострадал.

Замечания государства-участника в отношении приемлемости и существа сообщения

4.1 30 декабря 2018 года государство-участник оспорило приемлемость жалобы в связи с неисчерпанием внутренних средств правовой защиты и злоупотреблением правом на подачу жалобы.

4.2 Государство-участник указывает, что в результате проведенного расследования автор сообщения вместе с другими обвиняемыми по этому делу предстал в соответствии с марокканским уголовным законодательством перед военным судом ввиду характера и тяжести деяний, совершенных против сотрудников правоохранительных органов, в частности убийства 10 служащих Королевской жандармерии, Главного управления национальной безопасности и вспомогательных сил, а также 1 служащего службы гражданской обороны.

4.3 Соответствующие лица были привлечены к ответственности и осуждены военным судом 17 февраля 2013 года в полном соответствии с гарантиями справедливого судебного разбирательства. 27 июля 2016 года решение военного суда было отменено в кассационной инстанции, и дело было передано в гражданский суд. 19 июля 2017 года Апелляционный суд Рабата оставил без изменений обвинения и приговор в отношении автора, а именно пожизненное лишение свободы без отсрочки. 29 сентября 2017 года другие подсудимые по этому делу подали кассационную жалобу. Семьи жертв также обратились в Кассационный суд в качестве гражданской стороны. Государство-участник указывает, что Кассационный суд еще не вынес решения по данному делу и что простые сомнения в неэффективности внутренних средств правовой защиты в соответствии с практикой Комитета не освобождают автора от обязанности исчерпать внутренние средства правовой защиты, в данном случае — кассационную жалобу⁶. Таким образом, государство-участник отвергает любое утверждение о том, что обращение в Кассационный суд не может считаться эффективным и действенным средством правовой защиты.

4.4 Государство-участник добавляет, что сообщение было направлено почти через восемь лет после предполагаемых событий. Оно задается вопросом о реальных причинах, побудивших заявителя ждать столько лет.

4.5 Государство-участник уточняет, что, вопреки утверждениям заявителя о пытках и жестоком обращении, во время его выступления в военном суде на нем не было замечено следов насилия, пыток или жестокого обращения, и он никогда не сообщал о своих утверждениях лично или через своего адвоката.

4.6 Государство-участник напоминает, что в соответствии со статьями 73, 74, 88 и 134 Уголовно-процессуального кодекса по доставке того или иного лица к прокурорам или следственным судьям последние обязаны провести судебно-медицинскую экспертизу в отношении этого лица по его просьбе или в связи с выявлением следов пыток или жестокого обращения. В данном случае в ходе выступления заявителя в Апелляционном суде Рабата не было обнаружено никаких доказательств пыток или жестокого обращения, что позволило признать утверждения заявителя необоснованными.

⁶ Согласно информации, полученной Комитетом, кассационная жалоба, поданная заявителем 29 сентября 2017 года, была отклонена Кассационным судом 25 ноября 2020 года.

4.7 В отношении просьбы о принятии временных мер государство-участник решительно опровергает утверждения заявителя о физическом и психологическом насилии. Оно указывает, что заявитель содержится в местной тюрьме Эль-Аржат с 9 апреля 2018 года и что он находится под стражей в соответствии с положениями Закона № 23/98 от 25 августа 1999 года об организации и функционировании тюрем в условиях, соответствующих международным нормам и стандартам. Заявитель был помещен в индивидуальную камеру в обычном заключении, и к нему не применялись меры изоляции. Он имеет право на свидания, регулярные телефонные звонки и прогулки с другими заключенными, регулярно получает газеты и журналы. Он продолжает обучение в магистратуре на факультете юридических, экономических и социальных наук Университета Мохаммеда V в Рабате. За время своего заключения он получил степень в области государственного права и степень в области социологии. Заявитель пользуется соответствующим медицинским наблюдением и получает всю необходимую медицинскую помощь. В частности, он уже получил 17 стационарных и 5 амбулаторных консультаций.

4.8 В своих комментариях от 5 августа 2019 года государство-участник выражает сожаление по поводу того, что настоящая жалоба, как и другие сообщения, представленные Комитету в связи со сносом лагеря «Гдейм-Изик», имеют общую черту, а именно под предлогом многочисленных обвинений в нарушении прав человека реализуется попытка выдвинуть чисто политические претензии, не охватываемые мандатом Комитета.

4.9 Государство-участник указывает, что снос лагеря «Гдейм-Изик» был осуществлен согласно применимым правовым и нормативным положениям. В ходе данной операции сотрудники правоохранительных органов проявили профессионализм и предельную сдержанность, несмотря на нападения и целенаправленные провокации⁷. Помимо 11 погибших сотрудников, 304 человека получили ранения, в том числе 116 сотрудников Королевской жандармерии, 60 сотрудников вспомогательных сил, 26 полицейских и 10 сотрудников службы гражданской обороны. Учитывая серьезность произошедших событий, несколько человек были арестованы в тот же день или в последующие дни после сноса лагеря. Процедура рассмотрения дела в военном суде обоснована характером деяний и предусмотрена прежним Кодексом военной юстиции.

4.10 Компетентные органы обеспечили наличие нескольких механизмов, позволяющих следить за ходом слушаний. Был обеспечен перевод на используемый в южном Марокко диалект хасания. Кроме того, для присутствовавших иностранных наблюдателей был обеспечен перевод на английский, испанский и французский языки. Апелляционный суд Рабата обеспечил обсуждение доказательств на состязательном порядке в присутствии обвиняемых. Суд также обязал секретаря ежедневно информировать обвиняемых о ходе судебного разбирательства, даже если они отказывались явиться в суд. Им помогали адвокаты, и соблюдение всех этих гарантий подтверждено отчетами Национального совета по правам человека.

4.11 В отношении «конкретного» контекста заявителя государство-участник указывает, что он дважды объявлялся в розыск — 12 и 13 ноября 2010 года, поскольку активно участвовал в создании лагеря, и что он и его сообщники создали «тайную полицию», в которой заявитель выполнял роль «генерального директора по безопасности лагеря» и руководил ополченцами, ответственными за наблюдение за обитателями лагеря. В день сноса лагеря заявитель активно участвовал в актах нарушения общественного порядка, вандализма, мародерства, разрушения и поджога. После его ареста 13 ноября 2010 года заявитель был немедленно помещен под стражу в 04 ч 00 мин в штаб-квартире полиции в Эль-Аюне на 48 часов, чтобы его дело было рассмотрено в соответствии с законом под эффективным надзором генерального прокурора в Апелляционном суде Эль-Аюна. После получения разрешения генерального прокурора содержание под стражей в полиции было продлено на 24 часа

⁷ Государство-участник приобщает к делу список погибших сотрудников правоохранительных органов, а также фотографии, свидетельствующие о зверствах, совершенных в лагере «Гдейм Изик», и беспорядках в Эль-Аюне 8 ноября 2010 года.

для дальнейшего расследования. Его семья была уведомлена о том, что он арестован и взят под стражу. Заявитель не был переведен в неизвестные места, и во время слушаний он четко признал выдвинутые против него обвинения, без каких-либо противоречий. 16 ноября 2010 года он предстал перед военным следственным судьей, который постановил поместить его в предварительное заключение в тюрьму Сале-2. 18 февраля 2011 года заявитель предстал перед следственным судьей. 22 декабря 2011 года он и его сообвиняемые предстали перед военным судом для рассмотрения дела. 17 февраля 2013 года он был приговорен к пожизненному заключению и в настоящее время отбывает наказание в тюрьме Эль-Аржат.

4.12 В отношении утверждений о пытках государство-участник указывает, что любое лицо может обратиться к нескольким судебным и внесудебным средствам правовой защиты для подачи жалоб в прокуратуру, тюремную администрацию, если лицо содержится под стражей, или в Национальный совет по правам человека, который уполномочен осуществлять надзор в местах лишения свободы⁸.

4.13 Государство-участник отмечает, что в рамках гражданского процесса защита поднимала вопрос об утверждениях о пытках и что уголовная палата Апелляционного суда Рабата положительно и незамедлительно отреагировала на ходатайство защиты о проведении судебно-медицинской экспертизы в отношении автора. Суд назначил комиссию под председательством трех экспертов, включая специалистов по травматологии, ортопедии и психиатрии. Они провели экспертизу и медицинские обследования в соответствии с принципами и руководящими указаниями Стамбульского протокола. Медицинская экспертиза, проведенная 20 февраля и 7 марта 2017 года, включала, в частности, беседы по поводу обвинений, осмотры, тесты и анализ его медицинской карты, рентгеновские снимки, магнитно-резонансную томографию (МРТ) и электромиограмму. В заключении говорилось, что неврологический осмотр не выявил двигательного или сенсорного дефицита или нарушений координации, симптомов посттравматического стресса или психологических расстройств. Обследование также включало ректальное обследование, результат которого был нормальным. Таким образом, было установлено, что выдвинутые заявителем обвинения в применении пыток были необоснованными⁹.

4.14 Государство-участник опровергает утверждения автора о том, что проведение судебно-медицинской экспертизы было поручено трем марокканским судебным экспертам, которые не прошли подготовку по Стамбульскому протоколу и не имели достаточных гарантий независимости. Напротив, были приложены все усилия для обеспечения проведения судебных экспертиз высококвалифицированными, беспристрастными и независимыми экспертами, допущенными марокканскими судами и, кроме того, подконтрольными Апелляционному суду.

4.15 В отношении условий содержания автора государство-участник сообщает, что за его состоянием регулярно наблюдает Национальный совет по правам человека. Заявителя несколько раз посещали его адвокаты: 26 ноября 2010 года, 15 декабря 2010 года и 19 мая 2011 года. С момента лишения свободы и во время всех посещений, проведенных Национальным советом по правам человека, заявитель ни разу не подавал жалоб на насилие или жестокое обращение в тюрьме.

4.16 В отношении утверждения о том, что во время визита Рабочей группы по произвольным задержаниям по приглашению Марокко в декабре 2013 года заявитель не смог встретиться с экспертами, государство-участник подчеркивает, что он был госпитализирован в университетской больнице им. Авиценны в Рабате, а не «в другом месте с другими уголовниками».

⁸ Законом № 76–15 о реорганизации Национального совета его полномочия были расширены, в частности он был наделен мандатом национального механизма по предупреждению пыток в соответствии с Факультативным протоколом к Конвенции, к которому Марокко присоединилось в 2014 году.

⁹ Государство-участник представляет копию заключения судебно-медицинской экспертизы, проведенной 20 февраля и 7 марта 2017 года, а также биографические данные врачей.

4.17 В отношении жалобы, поданной 27 марта 2018 года сестрой заявителя генеральному прокурору в Апелляционном суде Рабата, в которой утверждалось, что он стал жертвой плохих условий содержания и медицинской халатности, Главное управление по тюремному управлению и реинтеграции провело административное расследование, которое опровергло эти утверждения. Кроме того, заявитель никогда не заявлял о том, что он объявлял голодовку во время содержания в тюрьме Айн-Себаа, и несколько раз отказывался от осмотра специалистами в больнице Касабланки, предпочитая, чтобы его делом занимался его собственный врач. Администрация тюрьмы положительно отреагировала на его просьбу о переводе в тюрьму Эль-Аржат, где он получает хорошее медицинское обслуживание у своего кардиолога. Наконец, заявитель ни разу не был госпитализирован на 13 месяцев, но у него было несколько кратковременных госпитализаций¹⁰.

Комментарии заявителя к замечаниям государства-участника

5.1 14 октября 2019 года заявитель представил свои комментарии к замечаниям государства-участника. Он утверждает, что сообщение является приемлемым, и указывает, что с момента предположительно имевших место деяний прошло более восьми лет без проведения расследования государством-участником, что само по себе свидетельствует о неэффективности внутренних средств правовой защиты.

5.2 Автор утверждает, что апелляция, по-прежнему находящаяся на рассмотрении Кассационного суда¹¹, не может считаться эффективным и действенным средством правовой защиты, поскольку суд выносит постановления только по правовым вопросам и только на основании представленного ему дела, а именно деяний, в которых был обвинен заявитель. Кассационный суд не может пересмотреть решение марокканских судей по существу дела и не правомочен определять, было ли признание автора получено под пытками, или выносить постановление о возбуждении дела о применении пыток.

5.3 В отношении возможности обращения в Национальный совет по правам человека путем подачи жалобы заявитель подчеркивает, что Национальный совет может предпринять соответствующие действия по собственной инициативе и что, хотя ему было известно о положении автора и других обвиняемых по этому делу, он таких действий не предпринял. Хотя Совет составил отчет о судебном разбирательстве, он никогда не рассматривал вопрос о пытках, которым подвергался заявитель. Более того, Совет был создан уже после проведения разбирательства в военном суде¹²; он продолжал ссылаться на заявителя и его сообвиняемых и на утверждения о пытках¹³ в субъективных терминах и утверждал, что экспертиза, проведенная тремя экспертами, соответствовала Стамбульскому протоколу. Заявитель считает, что Национальный совет нельзя считать судебным механизмом или механизмом, достаточным для расследования утверждений о пытках. Он добавляет, что государство-участник не отвечает на конкретные вопросы, касающиеся приемлемости, а именно на вопрос о невозбуждении расследования. Автор повторяет, что он неоднократно сообщал марокканским государственным органам о том обращении, которому он подвергается,

¹⁰ Государство-участник указывает, что заявитель был госпитализирован: с 25 апреля по 10 июня 2013 года, с 9 по 23 декабря 2013 года, с 23 февраля по 18 апреля 2014 года, с 23 февраля по 8 мая 2015 года, с 3 октября по 24 ноября 2015 года и с 11 марта по 2 мая 2016 года.

¹¹ Согласно информации, полученной Комитетом, кассационная жалоба, поданная заявителем 29 сентября 2017 года, была отклонена Кассационным судом 25 ноября 2020 года.

¹² Совет был создан 1 марта 2011 года Королевским указом № 1-11-19, в то время как заявитель впервые предстал перед военным судом в ноябре 2010 года.

¹³ Согласно краткому отчету Совета о наблюдении за судебным процессом, связанным с событиями в лагере «Гдейм-Изик», заключенные скандировали «лозунги, наносящие ущерб территориальной целостности» Марокко, а медицинская экспертиза была назначена «из-за утверждений о пытках, выдвинутые подсудимыми, для обоснования содержания протоколов судебной полиции»; см. Conseil national des droits de l'homme, «Observation du procès relatif aux événements de Gdeim Izik», URL: http://cndh.org.ma/sites/default/files/rapport_synthetique_sur_lobservervation_du_proces_de_gdeim_izi_k.pdf?msclid=1618a948d0ff11ecbdb551f504b6c6a1.

и обратился в Комитет в качестве крайней меры, однако до сих пор расследование начато не было.

5.4 По существу дела автор напоминает, что предмет его жалобы касается обстоятельств его задержания, содержания под стражей в полиции и жестокого обращения, а не причин его осуждения, поскольку этот вопрос не входит в компетенцию Комитета. Он считает, что государство-участник, по-видимому, намеренно смешивает вопрос уголовного дела с вопросом об отказе начать расследование по утверждениям заявителя о том, что он подвергался пыткам.

5.5 Заявитель отмечает, что государство-участник лишь утверждает, что он подписал показания без принуждения. Таким образом, государство-участник придерживается своего толкования статьи 291 Уголовно-процессуального кодекса, согласно которому протоколы, составленные сотрудниками судебной полиции, являются доказательствами *prima facie*. Единственным документом, предоставленным государством-участником, является протокол с признательными показаниями, на которые автор как раз указывает как на полученные под принуждением. Государство-участник продолжает пытаться переложить бремя доказывания, требуя от автора доказать, что он подвергался пыткам.

5.6 Заявитель отмечает, что государство-участник не указывает, что во время совершения указанных деяний он проходил какое-либо медицинское обследование, что ему была оказана оперативная и независимая юридическая и медицинская помощь или что он смог немедленно связаться со своей семьей. Несмотря на то, что заявитель представил видимые признаки пыток военному следственному судье 16 ноября 2010 года, государство-участник не смогло доказать, что следственный судья принял во внимание его утверждения и травмы и потребовал начать расследование или хотя бы провести медицинскую экспертизу. Автор вновь утверждает, что государство-участник нарушило его права, предусмотренные статьями 2, 11, 12, 13, 15 и 16 Конвенции.

5.7 Заявитель подчеркивает, что его нынешняя ситуация остается такой, как описано в его первоначальном сообщении, и что, несмотря на многочисленные призывы некоторых неправительственных организаций¹⁴, условия его содержания под стражей представляют собой, по меньшей мере, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение. Он добавляет, что меры, запрошенные Комитетом для обеспечения ему доступа к надлежащему лечению во избежание непоправимого вреда, не были приняты государством-участником.

Дополнительная замечания заявителя

6. 15 января 2021 года адвокат заявителя указал, что в октябре 2019 года заявителю была сделана операция на колене, но после операции не было проведено никаких последующих мероприятий, таких как реабилитация, чтобы он мог ходить. В январе 2021 года заявитель, как сообщается, был переведен в тюрьму Тан-Тан, при этом его адвокат или семья не были проинформированы об этом переводе. В итоге заявитель смог кратко пообщаться со своей семьей, указав, что он был лишен контакта и не мог сообщить никаких конкретных новостей о своем нынешнем состоянии здоровья. 12 мая 2022 года адвокат заявителя указал, что возражение государства-участника против приемлемости жалобы более не актуально, поскольку апелляция в Кассационный суд была отклонена окончательным решением¹⁵.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

7.1 Прежде чем приступить к рассмотрению какой-либо жалобы, содержащейся в сообщении, Комитет должен установить, является ли оно приемлемым в соответствии

¹⁴ См. в частности, Amnesty International, «Action urgente: Maroc. La santé d'un prisonnier sahraoui se détériore dangereusement», 11 décembre 2017.

¹⁵ М.Б. против Марокко (CAT/C/72/D/923/2019), п. 12.2.

со статьей 22 Конвенции. В соответствии с требованиями пункта 5 а) статьи 22 Конвенции Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривался и не рассматривается в рамках какой-либо другой процедуры международного расследования или урегулирования.

7.2 Комитет отмечает, что государство-участник оспорило приемлемость жалобы в связи с неисчерпанием внутренних средств правовой защиты и злоупотреблением правом на подачу жалобы¹⁶.

7.3 Касаясь вопроса об исчерпании внутренних средств правовой защиты, Комитет принимает к сведению доводы государства-участника о том, что заявитель официально не представил утверждения о применении пыток компетентным органам, с одной стороны, и что кассационная жалоба, как сообщалось, все еще находится на рассмотрении, с другой стороны. В этой связи Комитет отмечает, что государство-участник первоначально указало, что жалоба в Кассационный суд, поданная автором и другими обвиняемыми по этому же делу 29 сентября 2017 года, еще находилась на рассмотрении и что, следовательно, внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны. В то же время он принимает к сведению информацию о том, что 25 ноября 2020 года Кассационный суд по итогам рассмотрения отклонил жалобу, поданную автором. Комитет заключает, что возражение государства-участника о неприемлемости жалобы более не актуально, поскольку решение по жалобе в Кассационный суд уже принято, и поэтому Комитет больше не должен решать вопрос об эффективности этого средства правовой защиты в данном деле.

7.4 Комитет отмечает, что в своих замечаниях государство-участник указывает на то, что заявитель мог выдвинуть утверждения о пытках, подав жалобы в прокуратуру, администрацию тюрьмы или Национальный совет по правам человека. Он также отмечает, что заявитель утверждает, что он сообщил об актах пыток, которым он подвергся, когда предстал перед военным следственным судьей 16 ноября 2010 года, и что эти же утверждения были озвучены в военном суде, который отклонил просьбу о проведении расследования 15 февраля 2013 года, и что эти органы так и не возбудили расследование. Комитет далее отмечает, что заявитель во время допроса в Апелляционном суде показал копии жалоб, которые он подал прокурору в Рабате, генеральному прокурору в Эль-Аюне и Национальному совету по правам человека, но судья не разрешил ему зачитать их вслух. Кроме того, Комитет отмечает, что заявитель не имел доступа к врачу по своему выбору, который обеспечивал бы достаточные гарантии независимости от тюремной системы.

7.5 В отсутствие какой-либо соответствующей информации от государства-участника в этом отношении, Комитет приходит к выводу, что возражение государства-участника против приемлемости жалобы не имеет отношения к настоящему делу, поскольку оно не смогло продемонстрировать, что существующие средства правовой защиты для сообщения об актах пыток на практике были доступны заявителю, чтобы он мог отстаивать свои права по Конвенции.

Рассмотрение сообщения по существу

8.1 В соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции Комитет рассмотрел данное сообщение в свете всей информации, представленной ему сторонами.

8.2 Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что нанесение ему телесных повреждений во время задержания, его различных переводов и допроса в жандармерии Эль-Аюна, а также обращение в ходе этапирования самолетом представляют собой пытки по смыслу статьи 1 Конвенции. Он также отмечает, что заявитель был доставлен к следственному судье военного суда 16 ноября 2010 года с видимыми следами пыток и что он прямо заявил об этих пытках в тот день, а затем

¹⁶ Хотя государство-участник прямо не поднимает вопрос о злоупотреблении правом на подачу жалобы, Комитет считает, что государство-участник по существу заявляет о злоупотреблении этим правом, когда указывает, что с момента предполагаемых событий прошло восемь лет и что «оно задается вопросом о реальных причинах, побудивших заявителя ждать столько лет, прежде чем подать свою жалобу в Комитет».

перед военным судом, который 15 февраля 2013 года отклонил ходатайство о проведении расследования по заявлениям о пытках. Комитет принимает далее к сведению утверждения заявителя о том, что к нему применялись методы, известные как «фалака» и «жареная курица», которые по сути являются актами пыток. Согласно государству-участнику, заявитель не обращался официально с утверждениями о пытках в компетентные органы. Комитет также принимает к сведению довод государства-участника о том, что в связи с утверждениями о пытках, выдвинутыми автором и обвиняемыми по этому же делу лицами в ходе гражданского процесса, Апелляционный суд Рабата назначил трех экспертов для проведения медицинской экспертизы, которую они и провели 20 февраля и 7 марта 2017 года. Комитет отмечает, что по результатам медицинской экспертизы был сделан вывод о необоснованности утверждений о пытках. Он отмечает довод государства-участника о том, что медицинская экспертиза показала, что следы на теле автора и имеющиеся у него осложнения заболеваний не были результатом пыток или жестокого обращения. Вместе с тем Комитет также принимает к сведению утверждение заявителя о том, что данная экспертиза не была проведена в соответствии со Стамбульским протоколом. В этой связи Комитет отмечает, что заключения медицинской экспертизы в отношении заявителя и обвиняемых по этому же делу лиц были переданы международным врачам для подготовки независимого мнения, согласно которому первая экспертиза не была проведена в соответствии со Стамбульским протоколом, в частности из-за несоблюдения принципов независимости и беспристрастности проводивших ее экспертов, очень короткой продолжительности бесед, недостаточности исследования травм и психологического состояния, полной идентичности выводов всех экспертных заключений без указания степени совместимости обнаруженных телесных повреждений с указанным жестоким обращением. Комитет отмечает, что государство-участник гарантирует беспристрастность, компетентность и профессионализм экспертов. В то же время он считает, что государство-участник не предоставляет соответствующих объяснений, подтверждающих соответствие медицинской экспертизы положениям Стамбульского протокола в контексте официального расследования утверждений заявителя о пытках. Комитет далее отмечает, что эта медицинская экспертиза была проведена более чем через шесть лет после заявленных событий и что время между заявленными действиями и медицинским обследованием, очевидно, не было принято во внимание. Комитет ссылается на свою правовую практику, согласно которой любое лицо, лишенное свободы, должно иметь возможность оперативно получать независимую юридическую и медицинскую помощь и вступать в контакт с родственниками в целях предупреждения пыток¹⁷. Комитет также отмечает одиночное заключение, которому неоднократно подвергался заявитель, и напоминает о своей позиции по этому вопросу, а именно: одиночное заключение может представлять собой вид пытки или жестокого обращения и должно использоваться в качестве крайней меры в исключительных обстоятельствах в течение как можно более короткого времени под строгим контролем и с возможностью судебного пересмотра¹⁸. Принимая во внимание тот факт, что, по словам заявителя, он не получил доступа ни к одной из этих гарантий во время досудебного содержания под стражей и одиночного заключения, и в отсутствие убедительной информации от государства-участника, ставящей под сомнение эти утверждения, Комитет считает, что физическое насилие и травмы, которые заявитель получил во время его ареста, допроса и содержания под стражей, представляют собой пытку по смыслу статьи 1 Конвенции¹⁹.

8.3 Комитет считает, что все виды обращения, предположительно примененные к заявителю во время его содержания под стражей, также представляют собой акты пыток, а именно: а) антисанитарные условия в различных камерах; б) длительные периоды одиночного заключения без возможности посещения врача по его выбору;

¹⁷ Комитет против пыток, замечание общего порядка № 2 (2007).

¹⁸ CAT/C/51/4, п. 32.

¹⁹ *Асфари против Марокко*, п. 13.2. *М.Б. против Марокко*, п. 13.2; и *Аббаха против Марокко* (CAT/C/72/D/871/2018), п. 11.2.

и с) ограничение доступа к адвокату и к своей семье. Соответственно Комитет не считал необходимым отдельно рассматривать жалобы автора по статье 16 Конвенции²⁰.

8.4 Заявитель также ссылается на пункт 1 статьи 2 Конвенции, согласно которому государство-участник должно было принять эффективные законодательные, административные, судебные и другие меры для предупреждения актов пыток на любой территории под его юрисдикцией. Комитет напоминает о своих заключительных замечаниях по четвертому периодическому докладу Марокко, в которых он выразил свою озабоченность по поводу событий в Западной Сахаре и утверждений, в частности, о пытках, жестоком обращении и получении признательных показаний под пытками²¹, и настоятельно призвал государство-участник безотлагательно принять конкретные меры для предупреждения любых актов пыток и жестокого обращения и проводить такую политику, которая давала бы осязаемые результаты в плане достижения цели полного искоренения практики применения пыток и жестокого обращения должностными лицами государства. В данном случае Комитет принимает к сведению утверждения заявителя об обращении с ним со стороны должностных лиц государства, когда он находился под стражей в полиции, не имея возможности связаться со своими родственниками или получить доступ к адвокату или врачу. Государственные власти не приняли никаких мер для расследования актов пытки, которым подвергся заявитель, и, при необходимости, наказания за них, несмотря на видимые следы пыток, которые он демонстрировал, и жалобы, которые он подавал, в связи с этим военному суду. Учитывая вышеизложенное, Комитет приходит к выводу о нарушении пункта 1 статьи 2, рассматриваемого в сочетании со статьей 1 Конвенции²².

8.5 В связи со статьей 11 Конвенции Комитет отмечает утверждения автора о том, что во время содержания под стражей он подвергался жестокому обращению, не имел доступа к врачу по своему выбору, несмотря на ухудшение его здоровья, был помещен в одиночную камеру и лишен регулярных свиданий с родственниками. Комитет отмечает, что автор неоднократно жаловался на условия своего содержания под стражей, но что ему не были предоставлены эффективные средства правовой защиты, чтобы оспорить жестокое обращение. Комитет напоминает о своих заключительных замечаниях по четвертому периодическому докладу Марокко, в которых он выразил сожаление по поводу отсутствия информации относительно применения на практике основных гарантий, таких как осмотр независимым врачом и уведомление родственников²³. В данном деле государство-участник предоставило информацию об условиях содержания заявителя под стражей, медицинском наблюдении и жалобах на жестокое обращение в заключении только за период после его перевода в апреле 2018 года в тюрьму Эль-Аржат, в то время как он находился под стражей с ноября 2010 года. В отсутствие убедительной информации со стороны государства-участника, способной подтвердить, что содержание заявителя под стражей в течение всего периода действительно происходило под надзором государства-участника, и в отсутствие каких-либо доказательств эффективного рассмотрения жалоб заявителя и медицинского наблюдения за ним до его перевода в тюрьму Эль-Аржат, Комитет приходит к выводу, что имело место нарушение статьи 11 Конвенции²⁴.

8.6 Комитет также должен принять решение о том, является ли нарушением государством-участником своих обязательств по статье 12 Конвенции тот факт, что по жалобам на пытки, которые заявитель подал в судебные органы, не было начато расследование. Комитет принимает к сведению утверждения заявителя о том, что: а) 16 ноября 2010 года он предстал перед следственным судьей военного суда с видимыми признаками пыток — у него кровоточили голова и ноги, и он не мог идти — и сообщил, что его заставили сделать признание под пытками, но следственный судья не зафиксировал это в протоколе; б) он также прямо заявил в военном суде о пытках,

²⁰ *Рамирес Мартинес и др. против Мексики* (CAT/C/55/D/500/2012), п. 17.4.

²¹ CAT/C/MAR/CO/4, п. 12. См. также CCPR/C/MAR/CO/6, пп. 23 и 24.

²² См., например, *Ндарисигаранье против Бурунди* (CAT/C/62/D/493/2012 и CAT/C/62/D/493/2012/Corr.1), п. 8.3; и *Е.Н. против Бурунди* (CAT/C/56/D/578/2013), п. 7.5.

²³ CAT/C/MAR/CO/4, п. 7.

²⁴ *Е.Н. против Бурунди*, п. 7.6.

которым он подвергался, в присутствии прокурора; с) во время допроса в Апелляционном суде он показал копии жалоб, которые он подал прокурору в Рабате, генеральному прокурору в Эль-Аюне и Национальному совету по правам человека, но судья не разрешил ему зачитать их вслух. и d) ни на каком этапе прокурор не возбудил расследование. Государство-участник утверждает, что заявитель официально не обращался в компетентные органы с заявлениями о пытках. Комитет также принимает к сведению то, что после передачи дела в Апелляционный суд Рабата и в связи с утверждениями автора и обвиняемых по этому же делу лиц о пытках в отношении заявителя была проведена медицинская экспертиза, назначенная судом. В этой связи он отмечает утверждения заявителя о том, что медицинские экспертизы, назначенные судом, не были беспристрастными и не были проведены в рамках расследования пыток, которым он подвергся, как это должно было быть в соответствии со Стамбульским протоколом. Комитет вновь заявляет, что, хотя он отмечает подтверждение государством-участником беспристрастности, компетентности и профессионализма экспертов, проводивших медицинскую экспертизу, он считает, что государство-участник не приводит никаких соответствующих объяснений, свидетельствующих о том, что она была проведена в соответствии со Стамбульским протоколом.

8.7 Комитет также отмечает, что следственный судья военного суда не потребовал проведения медицинского освидетельствования, хотя на теле заявителя имелись явные следы физического насилия, и что никакого расследования в этой связи проведено не было. Кроме того, военный суд не принял во внимание утверждения заявителя о фактах применения пыток при вынесении решения о его осуждении, а государство-участник отрицает, что такие утверждения были сделаны в ходе разбирательства. Кроме того, Комитет отмечает, что государство-участник вышло далеко за рамки разумных сроков для обеспечения правосудия по делу заявителя и что спустя 11 лет после событий и первых заявлений о пытках расследования в соответствии со Стамбульским протоколом проведено не было. В свете вышеизложенного Комитет считает, что отсутствие какого-либо расследования утверждений о применении пыток в деле заявителя несовместимо с обязательством государства-участника согласно статье 12 Конвенции принимать меры к тому, чтобы его компетентные органы проводили быстрое и беспристрастное расследование, когда имеются достаточные основания полагать, что был совершен акт пытки²⁵.

8.8 Помимо этого, Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что государство-участник нарушило и предусмотренное статьей 13 Конвенции обязательство обеспечить автору право на предъявление жалобы, которое предполагает, что власти примут в связи с этой жалобой надлежащие меры путем проведения быстрого и беспристрастного расследования²⁶. Комитет отмечает, что статья 13 Конвенции не требует официального представления жалобы на применение пыток в соответствии с процедурой, предусмотренной внутренним законодательством, равно как и наличия четко выраженного стремления возбуждать уголовный иск. Одно лишь заявление жертвы о доведении соответствующих фактов до сведения государственных властей представляется достаточным для возникновения обязательства рассматривать такое заявление в качестве хотя и косвенного, но недвусмысленного желания жертвы добиваться проведения быстрого и беспристрастного расследования, как того требует данное положение Конвенции²⁷. В свете вышеизложенного Комитет заключает, что факты настоящего дела представляют собой также нарушение статьи 13 Конвенции.

8.9 В отношении утверждений заявителя в связи со статьей 14 Конвенции Комитет напоминает, что это положение не только признает право на справедливую и адекватную компенсацию, но и предусматривает обязательство государств-участников обеспечивать получение возмещения жертвой пыток. Это возмещение должно охватывать всю совокупность причиненного ущерба и включает реституцию,

²⁵ *Асфари против Марокко*, п. 13.2.

²⁶ *Бендиб против Алжира* (CCPR/C/51/D/376/2009), п. 6.6.

²⁷ *Паро против Испании* (CAT/C/14/D/6/1990), п. 10.4; *Бланко Абад против Испании* (CAT/C/20/D/59/1996), п. 8.6; и *Лтаиеф против Туниса* (CAT/C/31/D/189/2001), п. 10.6.

компенсацию, а также меры, гарантирующие невозможность повторения нарушений, с обязательным учетом обстоятельств каждого дела²⁸. В данном случае Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что жестокое обращение, которому он подвергся, оказало воздействие на его психическое и физическое состояние. Тот факт, что следственный судья военного суда не открыл дело для расследования утверждений о пытках и что медицинская экспертиза, назначенная апелляционной инстанцией, не была проведена в соответствии со Стамбульским протоколом и в рамках расследования предполагаемых актов пыток, не позволил автору воспользоваться мерами реабилитации, компенсации, ухода и гарантиями недопущения повторного совершения преступления. Поэтому Комитет считает, что отсутствие оперативного и беспристрастного расследования лишило заявителя возможности воспользоваться своим правом на возмещение в нарушение статьи 14 Конвенции²⁹.

8.10 Заявитель утверждает также, что стал жертвой нарушения статьи 15 Конвенции, поскольку был осужден на основании признания, полученного под пытками. Он утверждает, что после изнасилования с помощью электролампочек его заставили подписать документ, с содержанием которого он не был ознакомлен. Комитет напоминает, что общий характер положений статьи 15 обусловлен абсолютным запретом пыток и поэтому предполагает обязательство каждого государства-участника проверять, не были ли получены заявления, используемые в ходе разбирательств в рамках его юрисдикции, путем применения пыток³⁰. В данном случае Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что подписанные им в результате пыток показания стали основанием для предъявления ему обвинений и для его осуждения и что он безуспешно оспаривал доказательную силу подписанных под пытками признательных показаний на различных этапах судебного разбирательства по возбужденному в его отношении делу. Комитет отмечает, что Апелляционный суд не уделил должного внимания утверждениям о пытках при вынесении обвинительного приговора заявителю на основании его признательных показаний. Никак не проверив содержание утверждений заявителя, кроме проведения медицинской экспертизы, назначенной Апелляционным судом и проведенной не в соответствии со Стамбульским протоколом, и использовав данные показания против заявителя в ходе судебного разбирательства дела, государство-участник явно нарушило свои обязательства по статье 15 Конвенции.

9. Действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции, Комитет заключает, что представленные ему на рассмотрение факты свидетельствуют о нарушении государством-участником пункта 1 статьи 2, а также статей 11, 12, 13, 14 и 15, рассматриваемых совместно со статьей 1, Конвенции.

10. Комитет настоятельно призывает государство-участник: а) провести беспристрастное и тщательное расследование соответствующих событий в полном соответствии с положениями Стамбульского протокола, с тем чтобы привлечь к ответственности лиц, которые могут быть виновны в обращении, которому подвергся заявитель; б) обеспечить заявителю и его семье надлежащее и справедливое возмещение, включая средства, необходимые для как можно более полной реабилитации; в) перевести заявителя на групповой режим заключения в тюрьму, расположенную ближе к его семье; г) воздерживаться от любых актов оказания давления, запугивания или репрессий, которые могут нанести ущерб физической и моральной неприкосновенности заявителя, что в противном случае будет представлять собой нарушение обязательств государства-участника по Конвенции добросовестно сотрудничать с Комитетом в осуществлении положений Конвенции; е) разрешить заявителю свидания с родственниками, адвокатом и врачом по его выбору в тюрьме. Наряду с этим государство-участник обязано принять меры для того, чтобы аналогичные нарушения не допускались в будущем.

²⁸ *Бендиб против Алжира*, п. 6.7.

²⁹ *Нийонзима против Бурунди* (CAT/C/53/D/514/2012), п. 8.6; и *Асфари против Марокко*, п. 13.6.

³⁰ *П.Э. против Франции* (CAT/C/29/D/193/2001), п. 6.3; и *Ктити против Марокко* (CAT/C/46/D/419/2010), п. 8.8.

11. В соответствии с пунктом 5 правила 118 своих правил процедуры Комитет предлагает государству-участнику в течение 90 дней с момента препровождения настоящего решения сообщить ему о мерах, принятых в связи с вышеизложенными замечаниями.
